

М.О. МНАЦАКАНЯН

МЕСТО ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ В КОНЦЕПЦИИ КАПИТАЛИЗМА М. ВЕБЕРА

МНАЦАКАНЯН Мкртич Оганесович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД РФ

Проблема адекватности интерпретации и восприятия ряда фундаментальных положений М. Вебера в его концепции капитализма возникает перед читателем каждый раз при появлении новых публикаций о творчестве социолога, в том числе и на страницах "СОЦИС". Это относится и к интерпретации "духа капитализма". Еще меньше ясности в вопросах о роли и месте реформации и протестантской этики в генезисе, становлении и функционировании современного капитализма. Возросшее значение этих проблем, в первую очередь формирования культуры и этики хозяйственного мышления и деятельности в рыночных процессах современной России, определили решимость автора вернуться к ним для особого рассмотрения.

Капиталистическая деятельность: типы и многообразие форм

Концепция капитализма М. Вебера и своеобразие его подхода к проблеме универсальности, многообразия форм и проявлений данного феномена уже нашли широкое освещение в отечественной социологической литературе,

в частности, в публикациях П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова, А.И. Кравченко и других авторов. Поэтому общие вопросы здесь будут затронуты только в той мере, в какой они необходимы для решения поставленных в статье задач.

Известно, что М. Вебер выступил с собственной концепцией капитализма в условиях, когда в науке уже получило широкое признание учение К. Маркса, основанное на политэкономической традиции. В чем их различие? В том, что Маркс и западная наука в целом признавали существование одного, единственного капитализма, возникшего с XVI века и имеющего историю триста-четырееста лет, а Вебер считал капитализм универсально-историческим феноменом с трехтысячелетней историей? Или в том, что Маркс выделял этапы капитализма по степени его зрелости (первоначальное накопление, мануфактурный период, период промышленного развития), а Вебер дает иное основание типологизации - степень рациональности, характер "духа"? И т.д. Безусловно, такие различия есть и они существенны. Но сравнительный анализ двух указанных версий капитализма в экономическом плане и в духе политэкономической традиции с использованием понятий "формация", "способ производства", "базис", "надстройка" способен лишь резко сузить поле теоретического анализа, увести от его стержневой линии. К тому же такой подход может обнаружить значительно больше общего, чем различного, а последнее свести к второстепенным вопросам. Характеристика, например, "авантюристического капитализма" Вебером может, в таком случае, совпадать с тем, что говорил Маркс о "купеческом капитале".

М. Вебер осуществил социологическое осмысление капитализма в его культурно-исторической целостности через призму собственной парадигмы и идеально-типических понятий. В фокусе его социологического анализа оказались капиталистические предприниматели, носители определенного социального действия (капиталистической деятельности) и определенного "духа", причем не в абстрактно-социологическом плане, а предметно, в своих конкретно-типологических характеристиках. **Это социологическая концепция капитализма в его широком культурно-историческом значении.** К. Маркс создает теорию капитализма как экономическую теорию на базе критики политэкономии. Общая политэкономическая традиция марксизма лежала в основе конструирования собственной социологической теории, которая вырабатывала понятия и категории путем "социологической разверстки" (по образному выражению Ю.Н. Давыдова) политэкономических понятий Маркса [1, с. 189]. Социолога интересовали прежде всего те противоречия и факторы, которые, имея экономическое происхождение и сущность, определяли и характер социокультурного развития. Эти противоречия он искал в экономической системе, которая, возникнув как "клеточка" в недрах традиционного общества, развивалась в направлении целостности, подчиняя себе все элементы и сферы общества [2, с. 229, 448]. Поэтому и сфера марксистской социологии оказалась ограниченной историческими и культурными рамками не просто западного капитализма, но прежде всего его наиболее развитой части, к которым и имели непосредственное отношение социология конфликта, классов, классовой борьбы, революции.

Веберовская концепция универсальности капитализма снимает эти исторически ограниченные рамки, а его определение через субъекта деятельности придает капитализму широкое историческое и социокультурное значение. Капитализм "тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности". "Там, где существует рациональное стремление к капиталистической прибыли, там соответствующая деятельность ориентирована на учет капитала" [3, с. 48]. Различные типы, формы и направления капиталистической деятельности различаются между собой степенью рациональности. В этом смысле, продолжает Вебер, "капитализм" и "капиталистические предприятия с достаточно рациональным учетом движения капитала существовали во **всех** культурных странах земного шара... в Китае, в Индии, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах древности, средних веков и нового времени" [3, с. 49].

Степень рациональности капиталистической деятельности - основной критерий, который лежит в основе создания идеально-типических конструкций. По одной линии выделяются современный капитализм и не современный - "архаичный", "традиционалистский", "отсталый", т.е. с меньшей степенью рациональности. По другой - полярные, противоположные капиталистические типы: "современный" как воплощение рациональности и "авантюристический" как воплощение иррациональности, спекулятивности, ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы, в том числе, посредством длительной фискальной эксплуатации подданных. Вебер понимал, что "авантюристический" тип, характерный для античности, средних веков и особенно периода первоначального накопления, может проявляться и в новейшее время, но, опять-таки, не в чистом виде, а в виде господствующей тенденции в общем развитии "современного" капитализма. Вебер наблюдал подобное в Германии в ходе первой мировой войны, когда милитаризация и сопровождающая ее бюрократизация открыли невиданные возможности для коррупции и хищений, самых диких финансовых афер и махинаций. Мы это видим сегодня в хозяйственных процессах России и вновь убеждаемся в правоте Вебера: "авантюристический" капитализм растет не из экономики, хозяйственных процессов и потребностей, а из политики. Он обусловлен конкретно-историческими обстоятельствами и социально-экономической политикой государства.

Но Вебера интересовал прежде всего современный капитализм, пути и факторы его становления. **Капитализм становится "современным" не только в результате обуздания "авантюристических" иррациональных устремлений, но прежде всего сращиванием экономически рациональных процессов с новым "духом", а следовательно, преодолением прежнего "духа" традиционализма.** Капитализму, существовавшему в Китае, Вавилоне, в древности и в средние века с определенной степенью экономической рациональности, недоставало того своеобразного "духа", который оформился лишь в новое время.

О характере воздействия протестантской этики на формирование "духа капитализма"

Что же такое "дух капитализма", чем было вызвано его появление? Каковы пути его формирования и формы проявления? Эти вопросы лишь на первый взгляд кажутся риторическими, если учесть, что они в том или ином виде уже ставились и освещались в литературе. Вместе с тем есть такие грани проблемы, внимательное рассмотрение которых способно пролить новый свет, существенно видоизменяя наши привычные представления. В самом общем виде Вебер определяет "дух капитализма" как этически окрашенную норму, регулирующую весь уклад жизни, жизненного поведения. Это строй мышления и поведения, характерный для "социальной этики", капиталистической культуры.

Буржуазный "этос" как "хозяйственное мышление" имеет определенную религиозную направленность. Данный тезис давно известен. Но возникает вопрос: насколько правомерно сводить проявления капиталистического духа к источнику, который появился значительно позже? Можно ли выводить жизненные воззрения и строй мышления молодой буржуазии из религиозных учений второй половины XVII столетия? Вебер признает, правда, в другой связи, что уже в XVI веке основатели возникающих тогда промышленных отраслей были носителями духа капитализма [3, с. 85].

Дело в том, что есть и другая, сугубо утилитарная, обусловленность данного строя мышления, прямо связанная с практикой и потребностями капиталистической деятельности. Нравственные правила Бенджамина Франклина являются классическим образцом такого утилитаризма потому, что они полностью свободны от прямой связи с религиозными представлениями. Время - деньги; честность - полезна; пунктуальность и честность увеличивают кредит, деньги по своей природе плодородны и способны порождать новые деньги и т.д. Правила, которые рисуют образ кредитоспособного, добропорядочного деловитого человека, долг которого, следуя своему призванию, рассматривать преумножение своего капитала как самоцель. Именно эти представления о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей профессиональной деятельности, характерны, как отмечает Вебер, для "социальной этики" капиталистической культуры [3, с. 76].

Утилитарная обусловленность духа капитализма, отмеченная уже на заре буржуазной эры, будет сохранять свое значение на всем протяжении исторического развития. Религиозные мировоззренческие основы этого "духа", появившиеся позже - во второй половине XVII в. и давшие ему идейно-культурную оформленность, со временем эволюционировали в направлении утилитаризма. Произошло преобразование рациональности аскетического протестантизма в чистый утилитаризм, отмирание религиозных корней духа капитализма [3, с. 202-203, 207]. В результате возникает профессиональный этос. Такая трансформация духа капитализма связана с тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, деловая практика требует воспитания воли и характера, свое-

образного склада психики, развития природных задатков и талантов идущего на риск предпринимателя, а также сумму навыков и знаний, которые даются социализацией. Совокупность душевных качеств, определенная направленность склада психики и способностей могут позволить как предпринимателю, так и рабочему приспособиться к условиям хозяйственной жизни, мыслить и действовать по ее нормам и законам. Интенсивность труда, конкуренция, растущие объемы управления требуют, помимо всего прочего, большой духовной энергии и воли, необходимых для преодоления напряжения и усталости. Причем особенности склада характера, природные данные могут эмпирически, утилитарным способом, поднять человека на вершину профессионального мышления. В. Зомбарт приводит отрывок из письма Г. Гейне о Джеймсе Ротшильде: "Своеобразная способность у него, это - дар наблюдательности, или инстинкт, с помощью которого он умеет если не оценивать, то все же отыскивать способности других людей в любой сфере". Ротшильды, продолжает Зомбарт, "в своем ремесле только эмпирики... одаренные достойным удивления инстинктом, который побуждает их всегда выбирать верное, а из двух верных всегда лучшее" [4, с. 152].

Во-вторых, деловая практика, ее будни, требуют от субъектов деятельности большой суммы практических навыков, знаний и опыта. Изучение конъюнктуры рынка, приобретение технических навыков и умений составлять планы, прогнозировать, вести переговоры и конкретную борьбу, разбираться в сложностях бухгалтерского дела, отчетность - все это резко поднимает роль утилитарного подхода ко всем аспектам хозяйствования, но прежде всего в "хозяйственном мышлении". Высокие моральные нормы подчиняются интересам дела, честность теперь выгодна и полезна. Именно "дух Франклина" становится эталоном буржуазной нравственности. И Вебер признает: "там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность - ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина избыток добродетели - лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения... таков неизбежный вывод с позиций последовательного утилитаризма" [3, с. 74-75].

И, наконец, в-третьих, современный капитализм, выработав механизм своего воспроизводства, в дальнейшем будет опираться не на религиозные формы аскетического протестантизма, а на рациональные нормы утилитарного профессионального этоса. И Вебер понимал роль профессионального призвания в формировании трудовой мотивации. "Современный капиталистический хозяйственный строй, - пишет он, - это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним" [3, с. 76]. Капитализм

отныне создает необходимые ему хозяйственные субъекты - предпринимателей и рабочих - посредством экономического отбора.

Труд стимулируется прежде всего принятием новых норм и систем, о чем подробно пишет А.И. Кравченко [5]. Поэтому возврат к религиозным истокам (поиск старообрядческих традиций в России, сетования на традиционализм православной церкви), поиски религиозного энтузиазма в условиях господства общемировых рыночных отношений - занятие бесполезное. Как во времена Маркса и Вебера, так и сегодня формирование рыночных отношений в любой стране будет определяться законами и нормами, господствующими в мировом хозяйстве, ориентированном на высокоразвитые страны, стоящие в центре этого хозяйства.

М. Вебер прослеживает исторический путь становления "аскетического рационализма, начиная от его средневековых истоков до его преобразования в чистый утилитаризм" [3, с. 207]. "Победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе" [3, с. 206]. Связывая этику аскетического протестантизма с "духом капитализма", Вебер прежде всего стремился выяснить, в какой степени использовал капитализм для своего продвижения религиозные убеждения, как он сумел разрушить, начиная с XV-XVI веков, средневековые формы регламентации хозяйственной жизни в союзе со складывающейся государственной централизованной властью. Буржуазия не могла обойтись без поддержки "того могущественного союзника, который... содействовал капитализму и во времена его становления" [3, с. 83]. Вебер говорит о протестантизме.

В докапиталистическую эпоху формирующими жизненное поведение элементами выступали магические и религиозные идеи, коренившиеся в них этические представления о долге и призвании. Католицизм, противостоявший экономическому рационализму, служил основой традиционалистских представлений. Протестантизм же с самого начала выступил в роли его союзника в борьбе с католицизмом. Протестантизм еще до формирования собственной этики воспринимался как ересь, и всюду, куда проникал, он способствовал развитию торгового духа. Кальвинистскую диаспору в Нидерландах именовали "рассадником капиталистического хозяйства" [3, с. 68]. **Миссия протестантской этики заключалась в том, чтобы обеспечить победу и утверждение капиталистического жизненного уклада, образа мыслей и представлений по всей Европе, сделать их массовым явлением.**

Но исторический процесс развивался в таком направлении, что этические нормы протестантизма стали оказывать сильное экономическое воздействие именно тогда, когда расцвет религиозного энтузиазма был уже позади. При жизни Вебер наблюдал разрыв прежней связи между жизненным укладом, поведением и религиозными убеждениями, которые либо полностью отсутствовали, либо носили негативный характер. В Германии, например, люди, преисполненные капиталистического духа, проявляли если не враждебность, то совершенное безразличие к церкви. Благочестивая скука рая отнюдь не прельщала деятельные натуры, а религия представлялась им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности. Свою безудержную погоню за наживой они могли объяснить то "заботой о детях и внуках", то тем, что само

дело с его неустанными требованиями стало для них "необходимым условием существования". Действовали и такие мотивы, как стремление к власти и почету, которые давались богатством. "Капиталистическое хозяйство, - заключает Вебер, - не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощутимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. "Мировоззрение" теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом хозяйстве, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице" [3, с. 91].

Таким образом, капитализм со временем потребовал для себя этическое обоснование, он нуждался в преданности людей своему делу, служению своему призванию и долгу, т.е. в добывании денег, своего рода установке по отношению к внешним благам. Со временем прежняя обязательная связь между протестантским мировоззрением и рыночным образом жизни, хозяйственным мышлением, была утрачена. Деятельность, направленная на получение прибыли и денег, перестала подводиться под категорию "призвания", а способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии - носить форму психологического стимула, связанного с религиозной верой.

Протестантская этика в широком культурно-историческом значении

Протестантская этика, выступая в процессе становления капитализма его могущественнейшим союзником в борьбе с традиционализмом, имела не только огромное конкретно-историческое значение в смысле формирования психологических и культурных основ его "духа", но и самое широкое историческое значение в смысле формирования всей капиталистической культуры. Рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания и других идей пуританской этики стало одним "из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры" [3, с. 205].

Благодаря протестантской этике капиталистическая деятельность и деятельность вообще приобретают рационально смысловое, культурно-детерминированное значение. Отношения между субъектами получают социальный характер. Сам субъект превращается в культурное существо, сознательно организующее деятельность, ориентируясь на среду и "значимость других". Возникающий общественный строй как продукт осмысления действий также становится культурным продуктом.

Вебер в качестве главной идеи аскетического протестантизма выделяет идею профессионального призвания и долга. Не труд как таковой, а лишь систематически организованный, методический труд в рамках своей профессии, рациональная деятельность угодны Богу. Подобные принципы создавали импульс к методическому контролю своего поведения, аскетическому стилю жизни, ориентированному на Божественную волю рациональ-

ного преобразования. Тем самым происходит как бы расколдование мира, освобождение его от магии, суеверий, зависимости от церкви, молитвы. Он становится проще, понятнее, рациональнее. Вопросы избранности и спасения теперь решаются не в таинствах церковных служб и молитв, не посредниками между Богом и человеком, а самим человеком в процессе трудовой деятельности. Он спасает свою душу, следуя божественным заповедям, а успех в профессиональной деятельности есть знак благодати - вознаграждение за упорный методичный труд. Л.Г. Ионин справедливо отмечает, что рациональная организация собственного дела, ведущая к максимизации результата деятельности, и есть рациональная организация спасения собственной души [6, с. 62].

Отмирание религиозных корней, форм этих идей и норм приводит к тому, что в новом своем посягательстве утилитарном обличий они глубоко укоренились в культурных пластах и ценностях, пронизав все сферы человеческой деятельности. Из культурных предпосылок капиталистического развития они стали конституционными элементами современной культуры, пронизывая все ее духовные ценности, в том числе и ценности социально-политической этики. Веберу было важно в процессе изучения эволюции аскетического рационализма "установить степень культурного значения аскетического протестантизма в его отношении к другим пластическим элементам современной культуры" [3, с. 207].

Более того, теперь утилитарные нормы, образ мыслей и жизненный стиль хозяйственного этоса приобрели и национально-культурные формы, укоренились в национально-этнической психологии, выступив как традиция национального сознания, став важным компонентом национального характера. В начале XX века Вебер наблюдал отличительные черты национального характера различных народов Европы, проявлявшихся в отношении к профессиональному долгу и призванию. "Каждому фабриканту, - пишет он, - хорошо известно, что одним из основных препятствий в ходе капиталистического развития таких стран, как, например, Италия, является недостаточная сознательность рабочих, что отличает ее от Германии" [3, с. 78]. Длительное засилие католицизма и традиционалистской этики создали здесь серьезные психологические препятствия для укоренения в национальном характере итальянцев культуры рационального отношения к труду. В странах, где культура не сумела по тем или иным причинам аккумулировать в себе схожие с протестантизмом рациональные идеи и нормы, где традиционалистские представления проявляют устойчивость, там рыночные отношения наталкиваются на серьезные психологические препятствия, создавая условия для роста авантюристических тенденций. "Повсеместное господство **абсолютной** беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются "отсталыми" по западно-европейским масштабам" [3, с. 78]. "Отсталость" есть прежде всего выражение слабости рационального склада мышления. Мышление государственной бюрократии, пренебрегающее этическими нормами, свидетельствует о слабости рациональных начал в культуре. Н.Н. Зарубина в поисках

психологических стимулов к труду в афро-азиатских регионах вполне обоснованно переносит акцент из чисто религиозной сферы в общую сферу культуры - на систему ценностей, установок, смыслов и норм, действительно обеспечивающих мотивацию и регулирование хозяйственной деятельности [7, с. 46, 49]. Главное - найти в каждой культуре установки, оформленные как этические нормы и направленные на активное отношение к миру, на хозяйственное развитие и накопление богатства, духовно стимулирующие трудовую деятельность и способные сыграть ведущую роль в процессе социализации и воспитания в массовом масштабе.

Исследования показывают, что развитие азиатских стран происходит не путем заимствования идей и норм протестантской этики, культурных образцов Запада, а на основе собственной культуры, особенностей сознания людей и национального характера. Культурно-нравственная основа прогресса в Японии - культурная самобытность, включающая в себя устойчивые структуры межличностных отношений, групповую солидарность, традиционное трудолюбие. Некоторые японисты обнаружили это еще до вступления Японии в эру индустриального развития. Выполнение долга перед семьей, фирмой или государством, достижение поставленных целей с самоотверженностью "самурая XX века", имеют высший, почти сакральный смысл. "Культура стыда", боязнь "потерять лицо" является мощным стимулом достигательных ориентаций: "личное честолюбие и стремление к достижению у японцев, вместо того, чтобы быть аномалиями в этом групповом обществе, на самом деле являются глубоко присущими ему характеристиками", - пишет Р. Беллаг [8, с. 17]. **На этой самобытной культурно-психологической базе, способной стать источником саморазвития, возможно усвоение идей и образцов иных культур.** Хотя в теории модернизации не всегда учитывается этот социологический факт.

Внутренняя противоречивость концептуальной схемы М. Вебера

В социологической литературе уже не раз ставилась проблема адекватной интерпретации Вебера. Причина кроется в двойственности позиции Вебера, в своеобразии применения идеально-типической модели. Идеальный тип является методологическим инструментом, но не целью научного анализа. Идеально-типические конструкции "современного" капитализма у Вебера перестали выполнять служебную роль и превратились в самоцель. Веберу, видимо, не удалось последовательно реализовать свои идеальные модели, и он постоянно возвращается на позиции эмпиризма. А эмпирический материал, которым он оперирует, лучшее описание исследуемых явлений, чем их идеально-типический образ.

Начнем с того, что он открыто, без оговорок выступил против известного и принятого тогда в научных кругах положения об исторической обусловленности, необходимости реформации и формирования в ее недрах протестантской этики. "Мы должны, - пишет Вебер, - конечно, отмежеваться от той точки зрения, сторонники которой выводят реформацию из

экономических сдвигов как их "историческую необходимость" [3, с. 106]. Однако, изучая ход реформации на фактическом материале, он обнаружил:

- а) протестантизм зарождался и набирал силу именно в буржуазных кругах,
- б) большинство богатых городов приняло протестантизм, наиболее развитые буржуазные страны, а в них буржуазные средние классы проявили героизм в защите протестантизма. Протестантизм становится знаменем первых буржуазных революций.

Возрастание роли целерационального действия, начиная с XV-XVI веков, во всех сферах жизни (хозяйстве, управлении, политике, науке, культуре) происходит, по его концепции, в результате конstellляции целого ряда исторических факторов, несших в себе рациональное начало. Случилось так, что эти факторы в определенный период и в определенном районе мира встретились без предопределенности и внутренней обусловленности: античная наука, рациональное римское право, появление техники в эпоху возрождения, рациональный способ ведения хозяйства. Но возникает вопрос: почему конstellляция исторических феноменов произошла именно в этот период, а не раньше или позже? Поставь Вебер вопрос таким образом, он вынужден был бы связать реформацию и протестантскую этику, как и целерациональную капиталистическую деятельность вообще, не только с римским правом или наукой, но прежде всего с великими географическими открытиями, началом формирования мирового рынка, захватом источников золота и серебра для быстро растущей мировой торговли, т.е. с процессами, непосредственно предшествовавшими реформации и протестантизму. Тогда уже начала формироваться та буржуазия, которая для осуществления рационального способа ведения хозяйства нуждалась в адекватных мировоззренческих предпосылках. Не протестантизм, как полагает Вебер, синтезировал исторические факторы рационального свойства, а растущий капитализм, рационализируя все структуры и сферы общества, использовал их в качестве строительного материала, в том числе и протестантскую этику. Между римским правом, Кодексом гражданских прав Юстиниана и Гражданским Кодексом Наполеона существует прямая связь, не имеющая отношения к протестантскому рационализму. А громадное значение наполеоновского Кодекса для современного буржуазного права общеизвестно.

По концепции Вебера общая структурная рационализация предопределила историческое направление развития Европы за последние века. Возраст "современного капитализма" - 300-400 лет. Начиная с XVI века, он развивался под мощным воздействием рационального строя мышления еще до формирования этики протестантизма. Однако в других местах Вебер утверждает, что необходимой предпосылкой для развития капитализма является идея профессионального "призвания" как цели жизни, а это центральная идея аскетического протестантизма [3, с. 95]. Поэтому в один ряд он ставит понятия "хозяйственное мышление", "дух капитализма", буржуазный "этос", хотя только последнее имеет определенную религиозную обусловленность.

Свое стремление к компилированию из различных элементов "идеально-типических" абстракций, редко встречающихся в исторической реальности, Вебер объясняет тем, что "в исторической действительности невозможно

провести четкие границы, мы можем обнаружить специфические их свойства лишь в том случае, если исследуем их наиболее **ярко выраженные формы**" Именно в таком изложении у рядового читателя образ "современного капитализма" ассоциируется с образом общества, возникшего только после промышленной революции в Европе с решающей ролью техники, науки с их точными экспериментальными методами [3, с. 53-54], в то время, как капитализм XVI-XVIII веков тоже "современный" и здесь действует его "дух", преодолевающий традиционализм

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Давыдов Ю Н* Веберовская концепция капитализма//Социс №8-9 1994
- 2 *Маркс К* Экономические рукописи 1857-1859 годов//К Маркс и Ф Энгельс Соч Изд 2 е Т 46 Ч 1
- 3 *Вебер М* Избранные произведения М 1990
- 4 *Зомбарт В* Буржуа Этюды по истории духовного развития современного экономического человека М, 1924
- 5 *Кравченко А И* Концепция капитализма М Вебера и трудовая мотивация//Социс №4,1997
- 6 *Ионин Л Г* Социология культуры М 1996
- 7 *Зарубина Н Н* Модернизация и хозяйственная культура (концепция Вебера и современные теории развития) // Социс, № 4, 1997
- 8 *Bellag R* Tokugava Religion the values of Preindustrial Japan Glencoe 1957